
1

Появление Матта

В тот августовский день 1929 года гнетущая мгла окутала город Саскатун. По часам было близко к полудню, по солнцу... но густая пыль спрятала солнце. Подхваченная осенними ветрами, оскверненная почва прерий поднималась над новыми пустынями Юго-Запада и двигалась на север, заслоняя небо.

В нашем маленьком домике на окраине мама включила электричество, а затем вернулась к приготовлению обеда для папы и для меня. Папа еще не пришел с работы, а я — из школы. Мама была наедине с этим мрачным днем.

Звук дверного колокольчика вызвал ее из кухни в холл. Она приоткрыла входную дверь всего на несколько дюймов¹, как будто опасаясь, что грозное небо сметет ее и ворвется в дом.

В наружности человека, который с виноватым видом стоял на крыльце, не было ничего угрожающего. Маленький мальчик, лет десяти, переминался с ноги на ногу по щиколотку в сером песке, который

---

¹ В дюйме 2,54 сантиметра. (Здесь и далее — примеч. перев.)

бесшумно сыпался на город день и ночь. Мальчик держал перед собой плетеную корзинку; когда дверь открылась, он протянул корзинку маме и проговорил неуверенным голосом, хриплым от пыли и от страха получить отказ:

— Хозяйка, не хотите купить утку?

Мама немного растерялась, услышав в его словах отголосок всем надоевшей шутки, которая не сходила с уст комиков того времени¹. Но это не помешало ей взглянуть в корзинку, где она, к своему изумлению, обнаружила трех тощих утят с раскрытыми от жары клювиками и затиснутого между ними невзрачного, грязного щенка.

Мама была тронута и заинтригована, но она, конечно, не собиралась покупать утку.

— Пожалуй, нет, — сказала она с мягкой улыбкой. — Почему ты их продаешь?

Мальчик набрался смелости и улыбнулся в ответ.

— Приходится, — сказал он. — Болото по дороге на ферму высохло. Больших мы съели, а эти маленькие — есть нечего. Я продал несколько штук в трактирчик, китайцам. Не желаете ли остальных, хозяйка? Они дешевые: всего лишь по десять центов.

— Извини, — ответила мама. — Мне негде держать уток. А собачка у тебя откуда?

Мальчик пожал плечами.

— Эта-то? — сказал он равнодушно. — Да так, случайно. Думаю, что ее вышвырнули из автомобиля прямо у наших ворот. Таскаю с собой на всякий случай. Собаку ведь не продашь.

---

¹ «Не хотите купить утку?» — популярный в 1930-е годы номер американского комика Джо Пеннера (1904–1941).

Его лицо оживилось — видно, в голову пришла идея.

— Послушайте, хозяйка, вам ведь нужна собачка? Я вам ее за пять центов уступлю. Вот и сэкономите пятицентовик.

Мама колебалась. Затем почти непроизвольно ее рука потянулась к корзинке. Щенок изнемогал от жажды, и протянутые пальцы, должно быть, показались ему спасительным источником, посланным прямо с небес. Он торопливо и неуклюже перевалился через утят и стал сосать пальцы. Мальчик быстро оценил положение вещей и воспользовался им:

— Видите, вы нравитесь ему. Он ваш всего за четыре цента!

Меньше месяца прошло с тех пор, как мои родители и я переселились из зеленеющего уголка Южного Онтарио в бесплодные, покрытые пылью прерии. Тогда это представлялось отчаянной авантюрой, так как даже на Востоке начиналась трудная пора, а на Западе тяжелые времена — периоды засухи и неурожая — стали уже привычными. Я не знаю, какие соображения побудили моего папу променять спокойную жизнь чиновника в Уиндзоре на весьма неустойчивое будущее библиотекаря в Саскатуне. Возможно, его неудержимо манило само название: Саскатун в Саскачеване. Может быть, он просто устал от интеллектуальной и физической ограниченности провинции, совсем закосневшей со временем.

Во всяком случае, осенью 1928 года он принял решение, с которым все мы могли только согласиться: я с легким сердцем и в радостном ожидании новизны, мама — очень сдержанно и не без мрачных пророчеств.

Всю зиму папа строил «караван» — жилой автоприцеп, который должен был везти нас на Запад. Для меня эта зима была долгой. По воскресеньям я бежал к папе под навес, где мы усердно работали молотками и пилами, а прицеп обретал форму, причем форму очень необычную. Папа мой был в душе моряком и располагал весьма скудным опытом проектирования сухопутных транспортных средств. Действительно, наш автоприцеп представлял собой некое сооружение, похожее на лодку, неуклюже взгромоздившееся на четыре тонких колеса старого автомобильного шасси от модели «Т»¹. Вид у него был прямой и несгибаемый. Его стенки воз-

---

¹ Легковой автомобиль фирмы «Форд» модели «Т» выпускался с 1908 по 1927 год; имел колеса с массивными спицами.

носились над рамой вертикально на целых семь футов¹ до слегка сводчатой палубы, которую мы никогда не называли крышей. Рядом с таким массивным ширококостным прицепом бедный Эрдли — наш «форд» модели «А»² с открывающимся верхом — казался совсем крохотным, как буксир рядом с громоздким плавучим краном, который он тянет.

Время от времени под навес заходили папины друзья полюбоваться нашими успехами. Они никогда не говорили много, но, уходя, долго задумчиво качали головами.

Пусть наш прицеп не блистал красотой, но он был безусловно удобным. Мой папа, изобретательный строитель, оснастил каюту автоприцепа всевозможными мореходными удобствами. К нашим услугам был камбуз с примусом на шарнире — шарнир не давал ему наклоняться при качке, — лампы, тоже на шарнирах, множество запирающихся шкафчиков, хранилище для карт, на передней переборке — хронометр системы «Сэт-Томас», две роскошные койки для моих родителей и складная койка для меня. Посуда, наши многочисленные книги и прочие мелочи аккуратно и надежно укладывались в специально оборудованные шкафы так, чтобы их не раскидало даже в самую бурную погоду.

Нам повезло, что папа так тщательно подготовил прицеп изнутри для самого бурного плавания. Потому

---

¹ Фут равен 30,4 см.

² Легковой автомобиль фирмы «Форд» модели «А» сменил на конвейере модель «Т». Моуэты путешествовали на спортивном варианте модели «А» с открывающимся верхом и задним откидным сиденьем. Двигатель в 40 л. с. развивал скорость до 80 км/ч. Автомобиль передвигался на колесах с проволочными спицами.

что, как только мы двинулись на Запад, обнаружилось, что наше судно на колесах, по меткому выражению моряков, весьма-таки валкое. Наш немислимых размеров прицеп, с его отвесными бортами, становился жертвой всех ветров. Когда бриз¹ дул на него сбоку, прицеп сильно раскачивало, и он задумчиво выезжал на встречную полосу дороги, увлекая туда же и беднягу Эрдли. Лобовой ветер заставлял папу включать вторую скорость, но даже и тогда, чтобы тащить дальше своего норовистого подопечного, автомобилю приходилось чудовищно напрягаться и бешено плевать паром. Ветер в корму был не слаще: тогда махина прицепа старалась обогнать маленький автомобиль, а если это не удавалось, толкала Эрдли вперед со скоростью, от которой холодело мамино сердце.

В общем, для восьмилетнего мальчика это путешествие было незабываемым. По желанию я мог ехать на заднем откидном сиденье Эрдли, где тут же становился пилотом-стрелком истребителя «Кэмел»²; или я мог ехать в самом прицепе и вести свою одиночную ракету в открытый космос. Я предпочитал прицеп. Здесь я погружался в свой собственный мир, и мир прекрасный. Моя складная койка находилась высоко у заднего иллюминатора. Я лежал на ней, крепко пристегнувшись для защиты от отрицательной гравитации (и сильного ветра), и направлял свой космический корабль в вечной пустоте к дальним планетам, известным как Огайо, Миннесота, Висконсин, Мичиган и Северная Дакота.

Когда мы снова въехали в Канаду вблизи маленько-

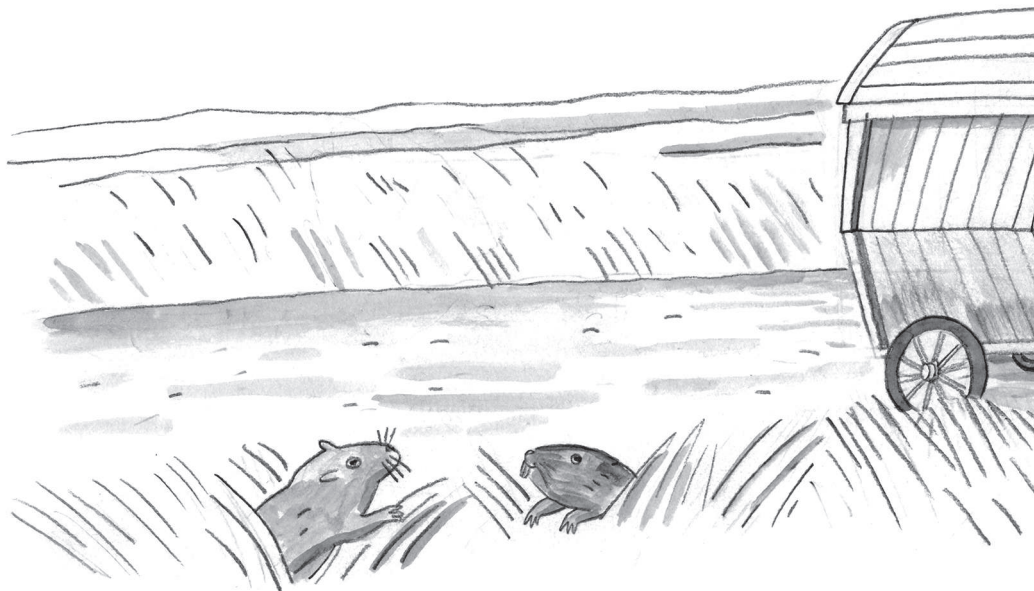
¹ Имеется в виду слабый ветер, дующий со скоростью 1–2 м/с.

² Английский истребитель – биплан «Кэмел» Ф-1 («Верблюд») фирмы «Сопвит» времен Первой мировой войны.

го городка Эстеван, мне уже ни к чему было напрягать свое воображение, создавая в нем инопланетные ландшафты. В юго-восточной части Саскачевана царило страшное запустение, настоящее до жути. Уже несколько лет здесь бушевали пылевые бури, и они оставили после себя зарождающуюся пустыню. Там и сям белели остовы покинутых строений; они стояли памятниками погибшим надеждам, а отполированное ветрами дерево покосившихся изгородей торчало из наносов бесплодной пыли, которые поглощали следы человеческого труда.

Мы все были подавлены. Хотя папа упорно старался разуверить нас, говоря, что дальше на север будет куда лучше, но я не могу припомнить сколько-нибудь заметных перемен в этом лунном ландшафте. Мы пересекали опаленные солнцем просторы, пораженные засухой поля, проезжали через бесконечное множество мелких деревушек, находящихся на грани исчезновения.

К тому времени, как мы достигли Саскатуна, мама уже не скрывала своего возмущения и даже папа был несколько обескуражен. Но я был в том возрасте, когда человек не способен оставаться долго в мрачном настроении. Я понимал только одно: что эта страна не укладывается в моем воображении; здесь открываются безграничные возможности для совершенно непредвиденных приключений. Меня приводили в восхищение покрытые трещинами белесые блюда высохших болот, пыльные кучи тополей, которые по какой-то непонятной причине назывались утесами, и беспредельный горизонт. Я хорошо запомнил слова одного старика, у фермы которого мы остановились, чтобы попросить воды для горячего радиатора Эрдли.

— Она плоская, мальчик, — сказал он мне. — Эта страна такая плоская, что если ты встанешь на кочку у норки гофера¹, то сможешь увидеть землю почти до самого Китая.

Я поверил ему и продолжаю верить, вопреки мнению географов, так как на тех необъятных равнинах нет предела человеческому зору.

Бесчисленные маленькие гоферы вызывали у меня острый интерес, так же как и горькая на вкус вода из редких непересохших колодцев, крупные парящие тела ястребов, которые взлетали со столбов придорожных изгородей, и вечерний плач койотов, от которого по спине бежали мурашки. Даже Саскатун, до которого мы наконец добрались, разомлевший в бессильной безна-

---

¹ Гофер — распространенный в Северной и Центральной Америке грызун, ведущий подземный образ жизни.

дежности у мелкой речушки, предвещал приключения. Город, основанный не более чем тридцать лет тому назад как маленький аванпост методистов, он перерос эти первоначально задуманные рамки и стал городом в тридцать тысяч жителей, приютившим верования и обычаи половины стран западного мира. Особенно духоборы, меннониты и гуттериты¹ поражали своими названиями и были полны таинственности для мальчика из степенной англосаксонской провинции Онтарио.

Папа снял для нас дом в северной части города. Эта построенная кое-как коробка летом превращалась в печь, а зимой – в полярную станцию, но мне она стала домом, и домом, как мне казалось, замечательным.

---

¹ Духоборство – религиозное течение, отделившееся от православия; меннониты и гуттериты – последователи религиозных течений, появившихся в XVI веке как ответвления анабаптизма.